

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОЛОГОДСКИЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Сборник статей
по материалам конференции**

X 1469983

ВОЛОГДА
2015

Статья посвящается светлой памяти
Сергея Николаевича Смольникова

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЛОВА «РАКИТА» В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА

Лексика растительного мира является наиболее употребительной по сравнению с другими тематическими группами слов в поэзии Н. А. Клюева. По нашим данным, в словаре поэта насчитывается около трех тысяч словоформ фитонимов. По частоте употребления их незначительно превышает только лексика животного мира [14, с. 247-248]. Данный факт объясняется тем, что многие названия растений у Клюева сохраняют символические функции, характерные для фольклора. Исследователей творчества Н. А. Клюева удивляет органическое родство его поэтики образному языку народно-поэтического искусства. Сам поэт постоянно подчеркивал кровную связь своей поэзии с устным народным творчеством [5, с. 30, 53 - 62, 117, 154-155]. Фольклорные основы творчества Н. А. Клюева исследовали многие филологи [1; 2; 10; 11; 12; 19]. В меньшей мере описаны лингвистические аспекты фольклоризмов в его поэтическом языке [16; 17; 20; 21]. Сергей Николаевич Смольников внес большой вклад в лингвокультурологическое изучение фольклорных имен собственных в поэзии Н. А. Клюева [16; 17]. В перспективе мы ставим задачу составления словаря фольклоризмов поэта.

В данной статье рассматриваются особенности употребления фольклоризмов *ракита*, *раkitовый куст* в поэтических текстах Н. А. Клюева. Слова *ракита* (39 употреблений), *раkitовый* (3 употребления) относятся к наиболее частотным в его поэтических текстах [14]. Как отмечают исследователи образных функций фитонимов в фольклоре и в русской поэзии, «семантика образа дерева предельно амбивалентна» [6, с. 86; см. также: 8]. Неоднозначность образа ракиты характерна и для поэтики Н. А. Клюева, впитавшей в себя древние культурные традиции употребления этого слова у славян. Русское слово *ракита* восходит к праславянскому **orkyta*, образованному от индоевропейской основы (<индоевроп. *arku* – ‘изогнутое’) [18, с. 173-174]. Оно обозначает разновидность *ивы*, *вербы*. У каждого из этих слов есть свои символические функции, хотя в фольклорных текстах нередко они взаимозаменяют друг друга, что наблюдается и в поэтических произведениях Н. А. Клюева. Например, в стихотворении «Старуха» один раз в начале текста использовано слово *ракита*, а затем дважды – *верба*: *Чуж – на кладбище колокол ухает, / Ладаном тянет от вешних раkit.* <...> *Свесила верба сережки мохнатые, / Меда душистей, белее холста.* <...> *Белые вербы в кадильном дыму.*

Далее в статье рассматриваются основные символические функции этого фольклоризма.

1. Символ Родины и Святой Руси

Как символ России слово *ракита* встречается у Клюева в весенних пейзажах родных просторов: *Стожарней / Играют зори меж раки́т, / И вихорь скулы не трудит, / Ласкаясь росней и кунавней. / О, жизнь! О, легкие земли, / Свежительнее океана!..* Как в фольклорных текстах *верба* [15, с. 83], *ракита* в поэзии Клюева ассоциативно связана с зорькой, небом, солнцем, рекой: *Зорька в пестрядь и лыко / Рядит сучья раки́т, / Кузовок с земляничкой – / Солнце метит в зенит.* Или еще подобный пример: *Растрепало солнце волосы – / Без кудрей, мол, я пригоже, / На продрогший луч и полосы / Стелет блестящие рогожи. / То обшарит куст раки́товый, То распляшется над речкой!..*

Этот словесный ряд сохраняется даже в развернутой метафоре в поэме «Песнь о Великой Матери», когда красоте белой ракиты поэт уподобляет гармоническую архитектуру строящегося храма: *С товарищи мастер Аким Зяблецов / Учились у кедров порядку венцов, / А рубке у капли, что камень долбит, / Узорности ж крылец у белых раки́т – / Когда над рекою плывет синева, / И вербы плетут из нее кружева, / Кувшинами крылец стволы их глядят, / И легкою кровлей кокошников скат.* Как мы уже отмечали ранее, *ракита*, *ива* и *верба* в народных песнях могут взаимозаменять друг друга. В связи с этим, интересно отметить, что у этой метафоры Клюева есть параллель в русском фольклоре: «В севернорусских свадебных песнях «золотая верба» напрямую соотносится с Божьим храмом: «На горе высокой ... / Выросла верба золотая ... / Посередке золотой вербы / Списана Спаса Пречистая Божья Матерь Богородица» [15, с. 83].

Словосочетание *белая ракита* в поэзии Клюева стало символом Святой Руси, поэтому в поэме «Деревня», где описывается кощунственное разорение новой властью святых мест (упоминается Саров, мощи Никиты Новгородского), Клюев опять обращается к этому светлому образу: *Отчего же на белой раки́те / Не поют щеглы по утрам? / Мы тонули в крови до пуза, / В огонь бросали детей, – / Отчего же небесный кузов / На лучи и зори скупей?* В поэме «Песнь о Великой Матери» *ракита* символизирует бедственное положение Родины после революции 1917 года: *Двенадцать лет, как пропасть, гулко страшных. / О горе, горе! – воет пес, / О горе! – вхохчет серый дрозд. / Беда беда! – отель мычит. / Бедою тянет от раки́т.*

Ср.: у А. Тарковского Россия в беде также ассоциируется с *раkitой*: *Мы шли босые, злые, / И, как под снег раки́та, / Ложилась мать Россия / Под конские копыта.*

Особо следует отметить употребление лексемы *ракита* в составе лексических рядов контрастных слов, выражающих оппозицию свое – чужое пространство: *Улыбнутся визгаму чумы, / Тамаринду – семья раки́т, / Журавлями русские думы / Взбороздят Таити зенит.* Этот же прием ис-

пользуется в стихотворении «Клеветникам искусства». Противопоставляя свое вечное высокое искусство поэта сиюминутной значимости псевдопоэзии некоторых его современников, Клюев создает оксюморонный образ: *Я содрогаюсь вас, убогие вороны, / Что серы вы, в стихе не лирохвосты, / Бумажные размножили погосты / И вывели ежей, улиток, саранчу!.. / За будни львом на вас рычу / И за мои неожиданные седины / Отмщаю тягой лебединой! – / Все на восток, в шафран и медь, / В кораллы розы нумидийской, / Чтоб под ракитой российской / Коринфской арфой отзвенеть.*

И, наконец, ракита у Клюева в поэме «Песнь о Великой Матери» символизирует дух русского народа, его потаенные глубины: *Так я лишь в сорок страдных лет / Даю за родину ответ, / Что распознал ее ракиты.* Поэт познал дух своего народа и через его устное творчество, поэтому в конце поэмы Клюев пишет: *Народ, / Пречистый воск потайных сот, / Ковер, сказаньями расшитый, / Где въюги, ширины, ракиты.*

2. Символ смерти, одинокой могилы и последующего воскресения

В народных песнях под ракитой хоронят убитого героя, постоянным спутником одинокой могилы является ворон. Данный фольклорный архетип встречается и у А.С. Пушкина в стихотворении «Ворон к ворону летит», которое перекликается с шотландской балладой, записанной Вальтером Скоттом, но имеет все атрибуты, характерные для русского фольклора [9], в их состав входит и ракита: *В чистом поле под ракитой / Богатырь лежит убитый.* Авторы учебника «Русский фольклор» Т. В. Зуева и Б. П. Кирдан приводят различные варианты песен «Под ракитой зеленой...» и «Черный ворон...», которые пелись народом во время войн в XIX и XX веках и дошли до наших дней [3]. Приведем зачины некоторых из них: (1) *Под ракитой зеленой / Русский раненый лежал, / Ко груди, штыком пронзенной, / Крест свой медный прижимал;* (2) *Под ракитой зелёной / Казак раненый лежал / И к груди, насквозь пронзённой, / Крест свой медный прижимал;* (3) *Под ракитой зеленой / Боец раненый лежал, / Он к груди своей пронзенной / Красный орден прижимал;* (4) *Под ракитой зеленой / Русский раненый лежал / Ко груди своей пронзенной / Красный орден прижимал;* (4) М. Исаковский по мотивам народной песни написал свой вариант: *В чистом поле, поле под ракитой, / Где клубится по ночам туман, / Там лежит, лежит зарытый. / Там схоронен красный партизан.* Во всех вариантах песни, созданных в разное время и отражающих разные исторические события и войны, неизменными остались *ракита* и *ворон*, что говорит об устойчивой символизации этих слов. Н. А. Клюев в своем творчестве неоднократно обращается к этим устойчивым символам смерти и одинокой могилы. Особенно показательна в этом отношении его песня, по сюжету и поэтике близкая к народной:

*Под плакучею ракитой
Бледный юноша лежал.*

*На прогалине открытой
Распростертый умирал.
Кровь лилась из свежей раны
На истоптанный песок.
Оглядеть простор поляны
Взор измученный не мог.
Каркал ворон в выси синей,
Круги ровные чертя,
Умирало над пустыней
Солнце, дали золотя.*

*Вечер близился к пределу,
Затемнялась неба гладь.
К отсывающему телу
Не пришла родная мать.
В вечный путь не снарядила
Дорогого мертвеца,
Кровь багряную не смыла
С просветленного лица.
Только заревом повита,
От заката золотым,
Одинокая ракета
Тихо плакала над ним.*

Индивидуально-авторское своеобразие этой песни-стихотворения заключается в том, что слово *ракета* и в этом тексте включается в лексический ряд: *солнце, заря*. Только, если в предыдущих примерах (см. п. 1) это было восходящее солнце и утренняя заря, а ракета была символом Родины и радости, то здесь *умирало над пустыней солнце, дали золотя*, и *заревом повита, От заката золотым, Одинокая ракета* была символом смерти и печали.

Совмещает в своей поэтике особенности духовного стиха и народной песни о раненом солдате стихотворение Н.А. Клюева «Небесный вратарь», которое также начинается с фольклорного *кустышка ракитова*:

НЕБЕСНЫЙ ВРАТАРЬ

*Как у кустышка у ракитова,
У колодечка у студеного,
Не донской казак скакуна пошл,—
Молодой гусар свою кровь точил,
Вынимал с сумы полотенышко,
Перевязывал раны черные...
Уж как девять ран унимались,
А десятая, словно вар кипит...*

С белым светом гусар стал прощаться,
Горючьми слезьми уливатися:
“Ты прощай-ка, родимая сторонюшка,
Что ль бажоная теплая семеюшка!
Уж вы, ангелы поднебесные,
Зажигайте-ка свечи местные, –
Ставьте свеченку в ноги резвые,
А другую мне к изголовьицу!
Ты, смеретушка – стара тетушка,
Тише бела льна выпрядь душеньку”.
Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды – речи братские:
“Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор нес у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик – Свет-Солунским.
Объезжаю я Матерь-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшею,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву,-
Там столы стоят неуедные,
Толокно в меду, блинник масленый;
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы”.

Фольклорный образ ракиты, символизирующей смерть человека, в стихотворении Клоева «Старикам донашивать кафтаны...» преобразуется в символ разрухи и гибели Русской земли после Октябрьского переворота: **Вороном** уселся, злобно сыт, / На **ракиту** ветер подорожный, / И мужик бездомный и безбожный / В пустополе матом голосит. См. также:

*Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.
«Куда схоронить мертвеца», –
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.
Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...*

*Зловец и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.
Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...*

Вместе с Россией гибнет и русская красавица девушка Настя: *Винограде мое, виноградице, / Где зазнобино цветно платице? / Цветно платице с аксамитами / Ковылем шумит под ракетами!*

Ср. у Л. Мартынова: *Всё это / Ты видишь, старая ракета, / Застывшая над устьем Истры, / Как будто / Эта Истра – / Лета.*

Будучи христианином, Клюев верил в воскресение после смерти. Поэтому ракета в его поэзии не только символ смерти, но и воскресения: *Ракиты рыдают о рае, / Где вечен листвы изумруд.* Оба символических значения могут соединяться в единый образ:

*Придет пора, и будут сыты
Нездешней мудростью умы,
И надмогильные ракиты
Зазеленеют средь зимы.*

3. Символ горя, печали и одиночества

Как отмечают исследователи, в русском фольклоре ракета является символом печали и одиночества, ее поэтический образ ассоциируется с переживанием беды, горя [7, с. 86; 6]. Например, об этом повествует мифологический сюжет народной баллады: *От чего ты, горе, зародилось? / Зародилось горе от сырой земли, / Из-под камешка из-под серого, / Из-под кустишка с-под ракитова* [13, с. 470]. Мотив печального одиночества, воплощенный в образе старой ракиты, положен в основу лирического сюжета стихотворения А.М. Жемчужникова «Старая ракета»: *Часто грезится мне, что стоишь средь полей, / Долгий век дожидая, ракета, / Ей живется еще, но чувствительно ей, / Что могучею жизнью забыта. / Не нужна никому; далеко от жилья; / На просторе родном одинока - / Она ветви свои к долу низко склоняя, / Ожидает последнего срока.*

Ракета как символ печали и одиночества встречается в ранних стихотворениях Н.А. Клюева: *По сердцу ль парню в кудрях / Никнуть плакучей ракитой? / Плыть бы на звонких плотах / Вниз по Двине ледовитой.* Слово *ракета* в этих символических контекстах сочетается с прилагательными *плакучая, седая, пожелтевший*, которые усиливают мотив печали: *Помнишь ракиты седые, надводные, / Вздохи туманов, безмолвия жуть? / Ты повторяла: «Туман – настоящее, / Холоден, хмур и зловец глубоко. / Сердцу пророчит забвенью целящее / В зелени ив пожелтевший листок».* В этих текстах Клюева слово *ракета* уже не входит в постоянный лексический ряд *солнце, заря*, как это наблюдалось, когда образ ракиты символи-

зировав Родину. Здесь выстраивается иной ассоциативный лексический ряд: *вздохи туманов, безмолвия жуть, туман – холоден, хмур и зловеще глубок*, а ракета – не золотящаяся на солнце, не белая, а в *лиловых потемках*:

*Невесела нынче весна,
В полях безгололье и дрёма,
Дымится, от ливней черна,
На крышах избенок солома. <...>
Душа по лазури грустит,
По ладану ландышей, кашек.
В лиловых потемках ракет
Не чувствуется щебета пташек.*

Образ «росной ракеты» символизирует печальное одиночество женщины, выданной замуж за нелюбимого. Свою героиню Прасковью в поэме «Песнь о Великой Матери» поэт сравнивает с ракетой. Голос Богородицы, исходящий от иконы «Утоли моя Печали», говорит Прасковье: *Как я, вдовцом укрыта, / Ты росною ракетой / Под платом отцветешь / И сына сладкопевца / Повепустишь из сердца, / Как жаворонка в рожь!*

4. Символ потустороннего, инфернального

Данное символическое значение ракеты (и вербы), распространенное в славянской мифологии и в фольклоре [15, с. 83], также встречается в ряде текстов Клюева. Если в ранний период творчества это значение ракеты связано с нарочито фольклорным изображением безобидного лесового (*У лесового нос – лукошко, / Волосья – поросли ракет*), то позднее, в поэме «Каин», это слово участвует в создании страшного образа наступающего на лирического героя *темного видения* – беспощадного демонического начала, от которого веет адом:

*То было в числах октября
В заведеревший понедельник,
Когда, как тартара насельник.
Боролась с тучами заря,
И мыши грызли половицы,
Гнилушки гроба вурдалак.
Свечой неодолимый мрак –
Казался крыльями орлицы.
В излуче крыл увидел я
Лицо мертвецки испитое.*

*В его изваянном покое
Скрытой чуялась змея.*

*И уловил я тонкий смрад,
Как на погосте листьев тленье...
«О, кто ты, темное виденье?» –
Спросило сердце наугад.
И как над ожутом ракита,
Корнями пеленая труп,
Мгла зашептала: «Не укрыто
Зерно от жернова и ступ <...>*

5. Мистический символ таинственного, сокровенного, пророческого

В славянском фольклоре образы ракиты и вербы отражали мистические верования в чудо, в потусторонний мир, они участвовали в различных языческих ритуалах [15, с. 81-834; 6]. Мистический ореол имеет ракита и в русской литературе. Например, в стихотворении И. С. Никитина лирический герой прислушивается к говору ветра с листьями ракиты и размышляет о его таинственном смысле:

*Подле реки одиноко стою я под тенью ракиты,
Свет ослепительный солнца скользит по широким уступам
Гор меловых, будто снегом нетающим плотно покрытых.
<...>*

*Есть ли таинственный смысл в этом говоре ветра с листьями?
Я ли один созерцаю присутствие Бога в творенье...?*

В фольклорных произведениях у ракиты нередко решалась судьба героя. Ключевский лирический герой также гадает о своей судьбе у «*раKITова кустика*» в «Песне про судьбу», которая полностью написана на основе фольклорного материала и поэтому воспринимается как народная песня:

*Из-за леса – лесу темного,
Из-за садика зеленого,
Не ясен сокол вылетывал –
Добрый молодец выезживал.
По одежке он купецкий сын,
По обличью парень-пахотник.
Он подъехал во чистом поле
Ко раKITовому кусту,
С корня сламывал три прутика,
Повыстругивал три жеребья.
Он слезал с коня пеганого,
Становился на прогалине,
Черной земли низко кланяясь:
«Ты ответствуй, мать сыра земля,*

*С волчняком-травой, с дубровою,
Мне какой, заочно суженый,
Изо трех повыбрать жеребий?*

Как и в произведениях народного творчества, мотив пророческого дара ракиты вплетается в лирический сюжет некоторых стихотворений Клюева духовной тематики, например: *Я – посвященный от народа, / На мне великая печать, / И на чело свое природа / Мою приляла благодать. / Вот почему на речке-ряби, / В ракетах ветер-Алконост / Поет о Мекке и арабе, / Прозревших лик карельских звезд.* В стихотворении «Ожидание» стук в окно веток ракиты и ее шум предвещают появление *светлого всадника* и пробуждение души лирического героя:

*Кто-то стучится в окно:
Буря ли, сучья ль ракит?
В звуках, текущих ровно, –
Топот поспешных копыт.
<...>
Кто он? Седой пилигрим?
Смерти костлявая тень?
Или с мечом серафим,
Пламеннокрылый, как день?
Никнут ракиты, шуриша,
Топот как буря растет...*

*Встань, пробудися, душа, –
Светлый ездок у ворот!*

6. Символ поэтического творчества

Клюев часто подчеркивал кровную связь своего творчества с народно-поэтической традицией и говорил о ее таинственном содержании, которое не понять ученым людям. *Шумы ракит* являются символом этого сокровенного таинственного начала:

*Родительский талисман
В ученую лупу незрим.
И мамин еловый дух
Гербарий не полонит...
Люблю величавых старух,
В чьих шалах шумы ракит.*

Появляется символ ракиты и при создании возвышенного, таинственного образа Анны Ахматовой в стихотворении «Клеветникам искусства»:

*Ахматова – жасминный куст,
Обожженный асфальтом серым,
Тропу утратила ль к пещерам,
Где Данте шел, и воздух густ,
И нимфа лен прядет хрустальный!
Средь русских женщин Анной дальней
Она как облачко сквозит
Вечерней проседью раки!*

В стихотворении «О ели, родимые ели...» Клюев сравнивает свой стих с пророческими звуками ракиты:

*И стих мой под бурей простужен,
Как осенью листья раки, –
В нем сизо-багряные жилки
Запекшейся крови, – подпилки
И критик ее не сотрут.
Пусть давят томов Гималаи –
Ракиты рыдают о рае,
Где вечен листвы изумруд.*

По данным «Поэтического словаря Н. А. Клюева», в произведениях поэта наиболее употребительны следующие фольклоризмы-фитонимы: береза 84, ракета 42, дуб 30, ива 28, верба 25, калина 18. Таким образом, приблизительно пятая часть из общего количества употреблений названий деревьев падает на слово *ракета*. Особенности символического функционирования этого слова в поэтических текстах обусловлены фольклорными традициями и принципами поэтики Н. А. Клюева, особенно принципом синкретизма, характерным для мифологического мышления.

Литература

1. Азадовский К. М. Николай Клюев: Путь поэта. – Л., 1990.
2. Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. – Л., 1990.
3. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. – М., 2002.
4. Клюев Николай. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. – СПб, 1999.
5. Клюев Н. Словесное древо. – СПб., 2003.
6. Красс Н. А. Концепт дерева в лексико-фразеологической семантике русского языка: На материале мифологии, фольклора и поэзии. Автореферат дисс. канд. филол. наук. – М., 2000.
7. Лазутин С. Г. Очерки по истории русской народной песни: филологическое исследование. – Воронеж, 1964. С. 86.
8. Легова А. М. Семантические функции фитонимов в русском фольклоре. Автореферат кандидатской диссертации. – М., 2012.
9. Лобанова А. С. «Ворон к ворону летит». Русский источник «шотландской песни» Пушкина // <http://feb-web.ru/>

10. Маркова Е. И. Творчество Н. Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. – Петрозаводск, 1997.
11. Мекш Э. Б. Образ Великой Матери (религиозно-мифологические традиции в эпическом творчестве Николая Клюева). – Даугавпилс, 1995.
12. Пашко О. «Индия» в творчестве Н. А. Клюева (К определению границ мифопоэтического пространства) // Ритуально-мифологічний підхід до інтерпретації тексту. Збірник наукових праць. – Київ. 1998.
13. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: В 4 ч. – М., 1861. – Ч. 1.
14. Поэтический словарь Николая Клюева. Выпуск I: Частотные словоуказатели / сост. Богданова М. В., Виноградова С. Б., Головкина С. Х., Смольников С. Н., Яцкевич Л. Г. – Вологда, 2007. – 256 с.
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.
16. Смольников С.Н., Яцкевич Л.Г. На золотом пороге немеркнущих времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева. – Вологда, 2006.
17. Смольников С. Н. Концептуализация фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н. А. Клюева // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сб. науч. трудов. Вып. 6. – Москва, Архангельск, 2013. – С. 335-343.
18. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 32. Под ред. академика О. Н. Трубачева и А.Ф. Журавлєва. – М., 2005.
19. Юхименко Е.М. Пародные основы творчества Н.А. Клюева // Николай Клюев: Исследования и материалы. – М., 1997. – С. 5-16.
20. Яцкевич Л. Г. Фольклорная лексика в поэзии Клюева // Яцкевич Л. Г., Головкина С. Х., Виноградова С. Б. Поэтическое слово Николая Клюева. – Вологда, 2005. – С. 118-132.
21. Яцкевич Л. Г. Фольклоризмы в поэзии Н. А. Клюева // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа. – Петрозаводск, 2015.

С.Х. Головкина
Вологда

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВ-НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЬЕВ В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА*

Поэтические образы деревьев – один из центров мифопоэтической картины мира Николая Клюева. Художественная реальность Клюевского бытия отражает связь человека, природы (в первую очередь растительного и животного мира) и цивилизации. Индивидуально-авторское восприятие природы отражает значимые для поэта традиции осмысления ведущих мотивов и образов: фольклорную, мифопоэтическую, христианскую.

Не случайно образная семантика номинаций деревьев (особенно хвойных) привлекает внимание исследователей творчества Н. А. Клюева

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ГРНФ, проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности».